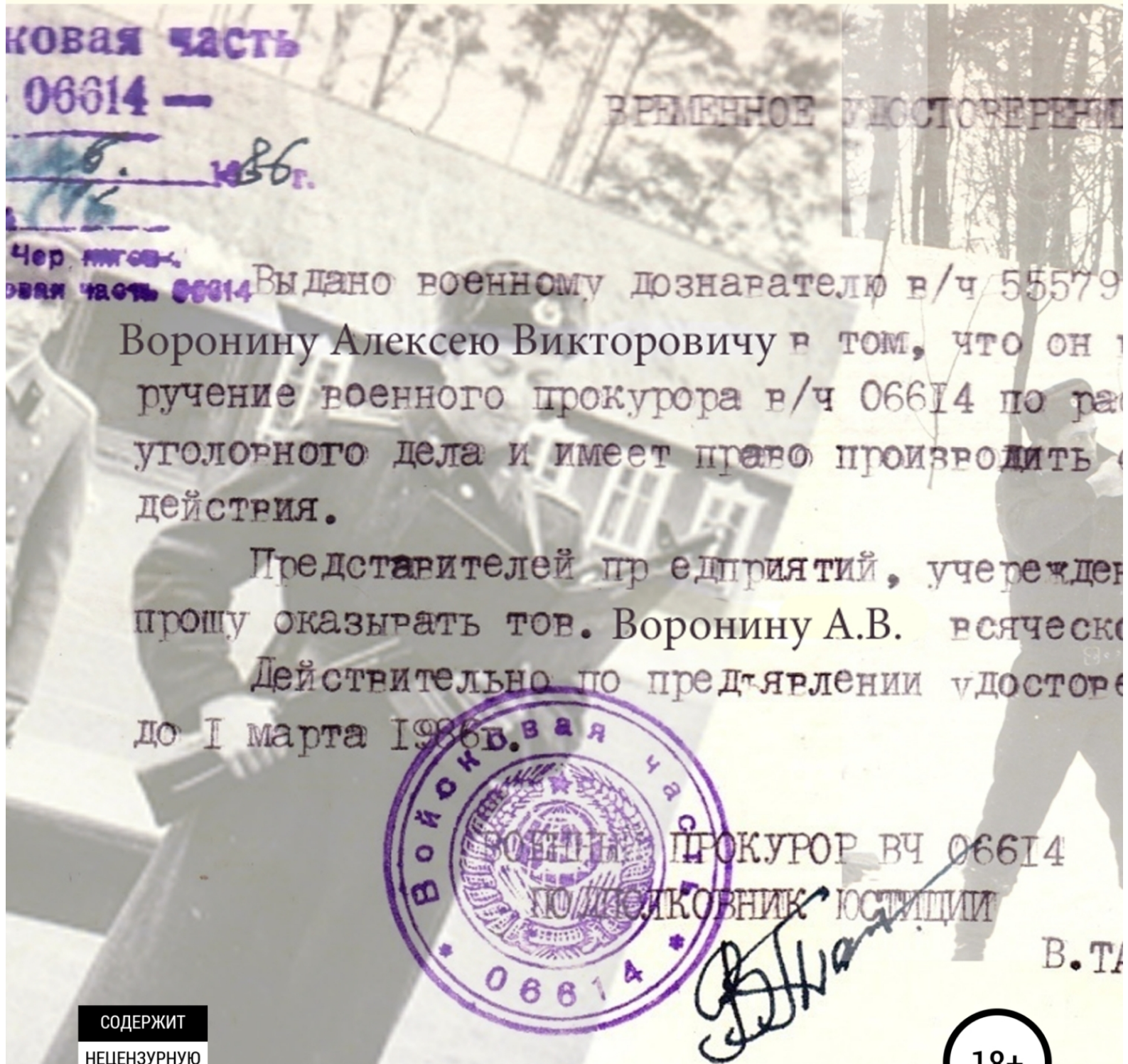

Капитан Воронин

Записки военного дознавателя

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Воронин

Записки военного дознавателя

«Автор»

2018

Воронин М.

Записки военного дознавателя / М. Воронин — «Автор», 2018

В бытность службы офицером-двухгодичником, мне посчастливилось попасть в военную прокуратуру, где я работал дознавателем. За семь месяцев, я объездил весь Советский Союз, участвовал в раскрытии многих уголовных дел. Об этом и вообще о своих впечатлениях о жизни в Советской Армии, я и написал в этих записках. Они, хоть и довольно ироничны, но совершенно правдивы. Даже многие персонажи этой книги выведены под своими именами. Должен сказать, что служба именно в военной прокуратуре вызывает во мне по сей день самые добрые и теплые воспоминания. Фото на обложке сделаны мной, в разные периоды службы. Содержит нецензурную брань.

© Воронин М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Еще одна банальность бытия	5
Гушиноозерский кошмар	7
Побег	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марк Воронин

Записки военного дознавателя

Еще одна банальность бытия

Сегодня во время медитации снова «пришла посылка». Как это обычно и бывает, пришло все сразу, целиком, словно бы на голову свалился большой мягкий тюк, и лишь потом в течение какой-то пары часов эта «посылка» раскрывалась в голове сама по себе, и после каждая часть полученного знания улеглась куда надо. Когда же «посылка» только-только раскрылась, я, как бы это сказать... В общем, я был немало удивлен тем, что иногда и с небес падают банальности, кто бы мог подумать, да? Впрочем, небеса тут ни при чем, а просто, видимо, в тот момент, я соответствовал именно этому уровню аналогий и ассоциаций. Но потом я подумал, что в этом все-таки что-то есть, какой-то свой вкус, ибо, чем больше синонимов мы подыскиваем к понятиям и явлениям, тем больший смысл постигаем в них. В этот раз я как-то отчетливо увидел аналогии между рождением человека, и приходом в армию новобранца. Это довольно забавно. Судите сами.

1а. Зачатие. В общем, нас никто не спрашивает: хотим мы в этот мир или нет. Собственно, мы и понятия не имеем, что он есть, как картошка, откуда она в земле, не догадывается о существовании неба.

1б. Повестка. Тебя никто не спрашивает: хочешь ты ее получать или нет. Но, ты ее получаешь: по-хорошему, или же в присутствии трех свидетелей. Увильнуть, в основном, не получается... и вот тебя вырывают из спокойного привычного мира и заталкивают в другой, пока еще совершенно непонятный. И ты, махнув на все рукой, просто надеешься на лучшее, поскольку, что еще тебе остается?

2а. Призывной пункт. Ты ограничен в передвижении. Там пока безопасно, но как-то странно, все напоминает какую-то странную игру. Тебя кормят совсем не тем, что ты любишь и хочешь, но ты ешь это. То же и со сном и со всем остальным... А потом тебя ведут на склад, где ты получаешь форму... и вообще все, что нужно для дальнейшей жизни. Не больше и не меньше. Что-то тебе все-таки жмет, что-то велико, но уж что дали, то дали...

2б. Беременность. Если повезет, то тебе «выдадут» нормальную печень, сердце, два глаза, две руки... Но в целом, это именно тот самый момент, когда ты перестаешь понимать, где заканчивается твоя «форма» и начинаешься ты... или наоборот – какая разница?

3а. Перед присягой. Ты выходишь со склада, одетый во все новое. И все это кажется некрасивым и до невозможности нелепым. И, в общем, не только тебе. Даже для тех, кто большую часть жизни видит людей в такой форме, ты кажешься нелепым или даже каким-то иномродным. И самое смешное, что ты чувствуешь это отношение, и тебе нечего возразить даже самому себе, ибо это правда.

3б. Роды. И ты, по словам Э.Хэмингуэя ("Прощай оружие") попросту похож на ободранного кролика... И даже у мамы в эти первые секунды еще нет к тебе большой любви. Ты нелеп, твои движения несуразны, и ты всем недоволен, но все лишь только улыбаются, глядя на твои забавные недовольства этим странным миром.

А дальше начинается, собственно, жизнь... где тебя чуть не каждый день перетирают через мелкое сито все, кому не лень. Особенно, если ты поддаешься. Особенно, если просишь о пощаде. Особенно, если веришь, что все это вот-вот закончится, ведь не может же это длиться вечно, ведь не для того же меня сюда послали! Меня! Такого хорошего, такого умного, такого

особенного... Меня, который знает что такое волновая функция Шредингера, который точно помнит, сколько длилась столетняя война и из скольких позвонков состоит шея у жирафа...

Некоторые либо так и умирают с заблуждением, будто все случившееся лишь досадное недоразумение, за которое кому-то воздастся здесь же, или, в крайнем, случае – на небесах. Некоторые сходят с ума, а некоторые впадают в другую крайность – самоуничужение. И только совсем немногие понимают, что есть вещи лишённые смысла по определению, вещи в себе, в которых также бесполезно искать смысл, как пытаться вычислить аэродинамические параметры движения ангелов... Власть нужна ради власти, жизнь ради жизни и суть только в том, чтобы выжить, и больше никакого иного смысла во всем этом нет. А знаешь ли ты что-то про функцию Шредингера или нет – имеет такое же значение для твоей боеготовности, как и то, начистил ты пуговицы и бляху на ремне или же забил на это дело...

Потом появляется опыт... но это еще не скоро, обычно – уже совсем под конец. Первым признаком такого рода зрелости является то, что ты уже не ощущаешь большой радости от того, что научился ездить на каком-то гусеничном монстре. Ты уже даже не чувствуешь удовлетворения от того, что кого-то чему-то такому же научил. Тебе становится уже наплевать на все. Ты уже даже не вынимаешь больше из своего сундучка, дабы похвастаться, большую гербовую бумагу с изображением знамен и орнаментов. И ты уже более не протираешь лоскутом замши множество значков, прикрученных к парадному кителю. Душа уже настолько затоплена усталостью, что теперь ты живешь лишь одной единственной мыслью, одной последней мечтой...

Ты видишь, как все это произойдет уже в каждом сне: вот наступает день и ты, в своей, уже изрядно потрепанной, форме, выходишь за ворота в ночь, и створки со скрипом закрываются у тебя за спиной. Ты закидываешь мешок за плечи, и, не оглядываясь, ступаешь в темноту, и с каждым шагом, удаляясь от ворот, ты растворяешься в том мире, откуда когда-то пришел... Растворяешься, вместе с робкой надеждой, что больше уже тебя никогда не угораздит появиться снова в том странном и страшном мире. Но вот во мгле уже окончательно исчезает «планета», где тебе довелось провести какое-то время, а ты все удаляешься и удаляешься, и все больше в тебе крепнет все та же надежда, переходящая уже в твердую уверенность: «Больше никогда!»

Гусиноозерский кошмар

Как-то в одну из ночей, не то в карауле, не то в каком-то наряде, я читал книгу некоего мистика (имени уже не припомню), отпечатанную на машинке. Поскольку это был откровенный «самиздат», книгу ту мне дали по большому секрету, и как тогда было принято – на одну ночь. Не скажу, что я был в восторге от всего прочитанного, но кое-какие мысли мне тогда показались остроумными. Например, тот автор считал, что Земля – это нечто вроде тюрьмы, и рождаются на ней лишь те, кто был осужден за прежние преступления. Наверное, – подумалось мне тогда, – если это правда, то в каких-нибудь отсталых и опасных регионах, рождаются бывшие злосные «рецидивисты», а, скажем в Англии или Италии – бывшие «мелкие хулиганы». Я же, наверное, был и вовсе осужден за то, что украл в ларьке булочку с маком, поскольку по жизни мне везло практически всегда. Кто-то скажет, что я просто родился «под счастливой звездой», и все другие теории ни при чем. Не знаю... Да и кто знает наверняка? Но теория, о которой я говорил, мне тогда настолько понравилась. Я вдруг ясно понял, что всегда видел и легко принимал мистическую сторону бытия, даже тогда, когда получал пятерки по марксизму-ленинизму. И, видимо, это развило во мне нечто вроде интуиции, позволявшей обходить неприятности стороной.

Что до учения Маркса-Энгельса-Ленина, то нет, оно мне не было близко нисколько, и, разумеется, я не считал Марксизм бессмертным, вовсе нет. Просто нести откровенную галиматью, запасшись вырванными с кровью цитатами, было совсем не сложно. Еще в десятом классе на обществоведении, я вдруг понял одну страшную истину, которая, впрочем, воспринималась мною с большим юмором: коммунизм нежизнеспособен с точки зрения самого марксистско-ленинского учения, точнее, с точки зрения исторического и диалектического материализма.

Я никогда не списывал никакие конспекты работ классиков, напротив – я обожал их читать, злорадно находя множество логических натяжек и нестыковок, впрочем, понятных уже окончательно, лишь теперь, в наши дни, когда все уже состоялось, давно себя исчерпало и теперь успешно «дышало на ладан». За подкованность в первоисточниках меня любили все те, кто успешно кормился с этой демагогии: преподаватели политэкономии, философы и даже политруки. Последние, поняв, что я могу на знании первоисточников посадить в лужу кого угодно, были мне молчаливо благодарны за то, что во время политзанятий я, в основном, помалкивал. А было это порой совсем непросто! Однако я находил в себе силы молчать даже тогда, когда замполит дивизиона капитан Пискунов вещал с кафедры, что евреи – это некая христианская секта, в которой все члены хитрые, коварные и вообще – хорошего от них не жди, и пример тому – израильская военщина!

Когда заканчивался первый год моей службы, произошло несколько важных событий. Первым было то, что вся бригада собиралась в Казахстан на боевые стрельбы, второе – это то, что сбежал прапорщик – начальник отделения управления бригады, без которого на стрельбах обойтись крайне сложно. И, наконец, третьим в этой цепи было то обстоятельство, что моя пусковая установка стояла под боевыми ракетами и трогать их – ни-ни! А потому – я никуда ехать не собирался и уже предвкушал скорую охоту на косулю. Я день за днем подбивал своего приятеля, начальника столовой прапорщика Груздя отнестись к делу посерьезнее, то есть, когда придет время «Ч» – одолжить, например, комбриговский УАЗик, с тем, чтобы углубиться в полигон километров на пятьдесят. Да, надо сказать, что городок у нас был совсем небольшой, и стоял на краю огромного полигона, размером, эдак километров семьдесят пять на сто. Разумеется, что это была запретная для простых смертных зона, и потому там было полно грибов, ягод и всякой дичи. Иван размышлял и кивал, сам уже пылая нетерпением, но ничего пока что не обещал.

В один солнечный день, когда от нечего делать, я болтался на турнике в спортивном городке части, ко мне прибежал боец из штаба:

– Начальник политотдела зовет! Срочно!

– Что такое? – удивился я.

– Он мне не доложил... – буркнул боец и, отпустив бляху ремня до самого мужского достоинства, а также заложив руки в карманы чуть не по локоть, двинулся в сторону бригадного продуктового ларька.

– С чего бы это? – подумал я, оделся, и пошел не торопясь в штаб к начпо, вспоминая по ходу, что я мог сотворить такого, что аж целый полковник взалкал о встрече со мной.

Постучался, вошел. Начпо в тот момент был похож на герцога из "Мюнхгаузена". Он изо всех сил пытался принять строгий серьезный вид, но по всему было видно, что это получается не вполне. С одной стороны, он уже явно предвкушал большую пьянку по дороге в казахские степи, а с другой, его лицо было, как будто перечеркнуто неким отчаянием, будто он только что выиграл очередь на «Волгу» и вынужден тут же ее отдать, поскольку с неделю назад уже купил по случаю.

– Вот как оно бывает... – сказал начпо философски.

Я стоял, молча, стараясь не становиться на пути армейской мысли.

– Да... – снова протянул он. – Пришлось вот, б..., на Кривенко (тот самый сбежавший прапор) в прокуратуру рапорт, б..., подать... Десятые сутки, понимаешь... В общем – доигрался х@й на скрипке! – веско подытожил полковник. Затем, еще несколько минут начпо, используя чрезвычайно сложные матерные эпитеты, пытался донести до моего сознания, что именно он думает о прапорщике Кривенко, о его положении в эволюционной картине мира, а также, о том, во что именно он превратил бы сбежавшего прапорщика, как биологический объект, имей он всю полноту власти Ивана Грозного.

Я снова промолчал, все еще не понимая, куда тот клонит.

– И вот, б..., по закону я, б...должен отправить в прокуратуру, б..., дознавателя от части. – Он с какой-то обреченностью махнул рукой в сторону окна. – Понял, нет?

– Так точно, – ответил я и солгал, поскольку ни фига я так и не мог понять. На «пряники» меня в штаб еще не звали ни разу, а своей вины в побеге какого-то прапора, я уж никак не усматривал.

– Должность эта, как ты знаешь уж больно, б...,блатная... понимаешь, наверное... И представь себе, что никого кроме тебя, б..., я послать не могу! – Было ощущение, что начпо был готов, заскрипев зубами, пробежать по потолку, и затем укусить себя за задницу, ибо, господи! Кому же приходится отдавать такую должность! И задаром! Не получив за это даже пол-литра!

Тут до меня, наконец, начала доходить суть происходящего, и я подумал, что это сон. Про то, что такое военный дознаватель в городке ходили легенды, из которых в будущем, возможно, родятся сказки в духе «Волшебной лампы Аладина». Так что, это было не просто везение. Чтобы попасть в дознаватели, нужно было стечение нескольких крайне маловероятных обстоятельств. Во-первых, в части должно быть совершено преступление. Во-вторых, командование не должно было бы это дело замять, а именно этим оно и занималось в 99% случаев. И лишь тогда, когда был послан официальный рапорт в военную прокуратуру, у тебя, где-то в высоких штабах, должна была объявиться большая-пребольшая, волосатая-преволосатая лапа, ибо только она и могла тебя пропихнуть в столь узкое военное подпространство. Парадокс ситуации как раз и состоял в том, что никакой лапы у меня не было, и я получал такой подарок судьбы даром.

Из штаба я вылетел как на крыльях, и тотчас проскочив КПП, побежал через лес домой. В кармане у меня лежало драгоценное предписание, и нужно было не просто бежать. Нужно было лететь сломя голову, драпать со всех ног и без оглядки, нужно было немедленно исчезнуть не

только из части, но и из городка, дабы никто там вдруг не передумал, не прислал посыльного, не встретился по дороге...

Так началась моя карьера военного дознавателя. Прапорщика того вскоре нашли, признали невменяемым, да на том дело и закрыли. Я же в часть возвращаться не собирался. Это что же, опять через день – на ремень, с бойцами нянькаться, которых, как говаривал мой комбат: «Куда ни целуй – везде – жопа!» Ну, нет! Я пал в ноги военному прокурору и давай просить его да умолять, мол, отец родной, не сдавай меня обратно в бригаду! Ну что вам по командировкам мотаться? Семьи тут у вас и все такое. А я все сам тащить буду: и командировки и делопроизводство и всю рутину по допросам, и в психушку конвоировать на экспертизу, если надо... Прокурор подумал и затем смекнул – а ведь он ничего не теряет. В предписании конечного числа командировки нет, а из части звонить вряд ли посмеют – все-таки штаб первой армии! «Ладно, – говорит, – но работы много будет. Так что смотри, старлей.» Так и договорились. И точно: приезжаю из одной командировки, скажем из Донецка, как меня новое предписание ждет: Иркутск. Приехал из Иркутска – в Новгород и так далее... Исколесил я Союз вдоль и поперек. Но тут случилось странное событие. Дело в том, что у нас в Чернигове, да и почти везде по Украине, следователь с двумя-тремя делами на руках был уже почти как герой Советского Союза. Следователи же в ЗабВО¹ держали на руках по тридцать-тридцать пять дел! Они просто задыхались. И что за дела! У нас-то всякая ерунда: скажем, бойцы в самоволке ларек ограбили или, например – «деды» задницу «молодому» ремнем набили. На Урале же и в ЗабВо все было совсем по-другому. Там основными делами были убийства, бандитизм, грабежи, были даже две попытки измены. Ну, то есть, совсем одуревшие не то от водки, не то вообще от жизни, офицеры пытались перейти границу с Китаем, прихватив автомат и портфель с сов.секретными документами. В общем, картина – совсем иная. И тогда Главная прокуратура Минобороны СССР издала приказ: откомандировать следователей и дознавателей со всего Союза – на помощь. Вот прокурор и отослал меня на месяц в Читу, в штаб ЗабВО. Ехал как на войну: форма – строевая, сапоги и все прочее, пистолет и разрешение находиться с ним в самолете. По приезде меня уже ждало «свежее» дело – нападение на патруль, захват оружия и трое убитых...

Надо сказать, что в какой-то момент, находясь в армии, я вдруг понял, что не все люди одинаковы, даже, если сравнивать среднестатистических представителей разных народов. Пришло это понимание постепенно, и лишь после того, как получил должный набор всех подлостей. Лишь после этого я отдал себе отчет в том, что взгляды на жизнь нужно время от времени пересматривать. Говоря об азиатах – главном источнике проблем, я должен отметить, что полностью выбивался из сил с большинством узбеков и таджиков, я уж не говорю о чеченцах. Последние были практически вообще неуправляемы. При этом мне относительно неплохо работалось с туркменами и казахами, башкиры и чувашаи были вообще довольно покладисты. И эта разница меня не переставала удивлять. К тем же, о которых я упомянул первыми, спиной лучше было не становиться. Наверное, на гражданке что-то меняется, и дома все они люди как люди, но в армии это просто нечто, находящееся за пределами понимания нормально воспитанного европейского человека. Окончательную точку в моем отношении к этой публике поставил один случай. Дежурил я по дивизиону, а дежурным по бригаде был капитан Телегин – замполит второго дивизиона, бывший десантник, оправившийся, наконец, от сильной контузии. Говорили, что он потерял где-то под Гератом всех своих друзей, что, объясняло его угрюмость и аскетизм. Лиц душманской национальности Телегин ненавидел люто, видя в каждом из них убийц своих товарищей. Человек он был высокий, жилистый и необыкновенно сильный. Как-то раз на спор он прошел на руках почти километр от наших ворот и до офицерской

¹ Забайкальский военный округ

столовой, кросс в 10 км при всем оружии и снаряжении был для него, как мне на второй этаж подняться. Надо сказать, что это был редкий для моей армейской жизни случай – я его уважал.

Обходя казарму, я вдруг заметил красный огонек. Подойдя к кровати, я увидел, что боец Нишанов курит лежа в постели, ведя медленную беседу по-таджикски со своими соплеменниками. Я приказал погасить сигарету и встать. Он на меня даже не посмотрел. Я сказал громче. Реакция была та же. И тут я понял, что наступил переломный момент: или я, или – они. Если сейчас ситуацию не выиграть, на завтра я уже не смогу управлять никем. Словно по волшебству, в голове всплыла цитата из устава: «Командир обязан добиться выполнения своего приказа любым путем, вплоть до применения оружия». Перейдя на официальный тон, я сказал:

– Рядовой Нишанов, я приказываю погасить сигарету и встать! В противном случае, я буду вынужден применить оружие.

– Чего? – он презрительно заржал.

Тогда я достал пистолет, передернул затвор и два раза пальнул в потолок. С шумом рухнула штукатурка. Нишанов выкатив на меня глаза вскочил, ища куда девать сигарету. Но я был уже в алом мареве своей ярости. Подскочив, я, как учит классика, ткнул его дымящимся стволом прямо в зубы и заорал что-то вроде:

– Я тебя, сука, научу родину любить!

Соплеменники разлетелись по углам – вмешиваться никто не стал. Я повалил его на пол, пистолет был все еще у меня в руках... Не знаю, что было бы дальше, но на счастье мимо проходил Телегин. Услышав выстрелы, он тотчас взлетел к нам на третий этаж, и со своим пистолетом наготове вбежал в казарму:

– Что происходит? Доложить!

– Докладываю. Вот этот душман, – я указал на валяющегося между кроватей Нишанова, – курил в постели, на приказы дежурного по дивизиону не реагировал, вел себя вызывающе, пытаюсь деморализовать остальную часть личного состава! Согласно уставу, был вынужден применить табельное оружие.

– Душман, говоришь? – только и произнес капитан, – Вот этот?

Нишанов так побелел, что казалось, даже немного светился в полумраке казармы. Он жался к тумбочке, видимо, понимая, что лучшее, что может предоставить ему Аллах – это легкая смерть здесь и сейчас.

Телегин, что-то тихо шепча себе под нос, и явно не замечая никого вокруг, схватил Нишанова за шею и выволок в туалет. Остальные соплеменники на полусогнутых конечностях пытались пробраться к своим кроватям. Я, молча, поставил пистолет на предохранитель, и затем вложил его в кобуру. Вздыхнув, я тоже направился в туалет, где было слышно как Телегин размазывал ДНК Нишанова по белому кафелю. Нужно было попытаться хоть что-то оставить от ночного курильщика на утро, да и жалко будет, если из-за этой мрази посадят хорошего мужика. У нас была своя внутренняя гауптвахта с карцером, куда я и предложил поместить уже сопливого «героя» до утра.

В Чите я почти тотчас приступил к делам. Когда я увидел три трупа убитых патрульных, я сразу вспомнил другой случай и сказал следователю – старлею из Харькова: «Это душманы, их почерк». Хорошо бы поискать в близлежащем стройбате, например.

– Это почему? – спросил он.

– Ран слишком много. Если бы это, скажем, просто беглые зеки, они бы, напали сзади, всех перекололи, взяли стволы и – на ноги. Здесь же дело другое. Половина ран нанесена спереди и уже тогда, когда те были мертвые, сам посмотри. Я хоть и не эксперт, но это, кажется, довольно очевидно. Видишь, у этого и вовсе ухо отрезано: удовольствие, стало быть, получали. Обычно они посылают одного-двух, переодетых в гражданку, те отвлекают, а остальные нападают сзади.

– Откуда знаешь? – снова спросил старлей.

– Да видел я уже такие трупы. На северном Урале. Да вот еще, я прочел в деле, что маршруты движения патрулей меняются каждые сутки, так что их, скорее всего, навел кто-то, вряд ли это случайность. Посмотри, кто из офицеров-штабистов, или, скорее всего – прапоров только что из Афгана. Они часто наркотой балуются, а этим уродам наркоту из дома присылают в посылках.

Старлей сказал, что тоже подумал об этом и что непременно мы эту линию разработаем.

Так, первое дело мы раскрыли за два дня, два автомата и пистолет были найдены на чердаке одной из казарм, как я и говорил – местного стройбата. Двоих взяли сразу, а еще трое – пустились в бега, но это уже было не наше дело. Затем было еще три дела... Так прошло недели две, пока местный прокурор полковник Катышев не приказал мне выдвигаться в гарнизон, находящийся в городке Гусиноозерск, что километрах в 70 на юг от Улан-Удэ и примерно в двадцати километрах от границы. Там случилось какое-то ЧП.

– Что и как – разберешься на месте, – заключил полковник, – Там поступишь в распоряжение следователя по особым делам майора Гудзенко. Ясно?

– Так точно, – ответил я и пошел собираться в дорогу.

* * *

*Все было сумрачно и серо,
И лес стоял как неживой...
А.Галич*

Я ехал и подспудно вспоминал Галича с его "все было сумрачно и серо"... Да, серо... Еще как серо... Даже я, во всем зеленом казался сам себе серым и это бы еще ладно... Серыми казались даже девушки, в платьях из якобы веселеньких ситцев. Серость наваливалась и давила, как ни банально это звучит. Меня трясло в маленьком разбитом ПАЗике, и я пытался понять: почему на станции Уч... чего-то там... , в казахской степи был такой же ПАЗик, но он никак не навевал столь навязчивых мыслей о бренности бытия... В воздухе словно бы витало тяжелое недоброе предчувствие...

Гусиноозерский гарнизон, как и ожидалось, был маленьким и невзрачным городком, опять же – серый и неприветливый, хотя и относительно чистый. Нет, меня ни в коем случае нельзя заподозрить в презрении к провинции, отнюдь нет, я вообще, была бы моя воля, как раз и жил бы где-нибудь в тайге. Но тут было нечто совсем иное... Иная энергия, если угодно... Ощущение катастрофы, тяжесть... Хотелось залезть с головой под одеяло и больше оттуда не вылезать...

Если вы все еще не верите, что я, в общем-то, люблю маленькие города, я как-нибудь расскажу о том, как попал в городок Новгород-Северский! Это же просто Рождественская сказка какая-то, но тут дело было совсем иное...

Я вышел из автобуса на вытопанную глиняную поляну, которая служила площадью при автостанции. Как только все вышли, водила тотчас вжал до пола педаль газа, словно за ним гнались, и уже через минуту скрылся за поворотом... Бредя по забытому богом мрачному поселку, я подумал, что, судя по всему, меня, снова не на пряники позвали, впрочем, как и всегда – не привыкать.

– Ну что же тут поделывать... – отвечал я сам себе, – Не хочешь более называться «груздем» – валяй – тащи службу со всякими там Нишановыми... Никто не держит.

Нет уж, возвращаться я, определено, не хотел, лучше уж тут как-нибудь. День постепенно клонился к вечеру, и нужно было искать место для ночлега. Я уже был опытный «путешественник», да и лето на улице – не пропаду! Как меня инструктировали, Гусиноозерск состоял из нескольких военных частей: танковая дивизия, мотопехота, и по мелочам всякое: отдельный батальон химиков, саперов и все такое. Остальное – военный городок: баня, магазины и прочие

места, где удастся по благу подработать офицерским женам. Гостиниц в городке не было вовсе, но мне пообещали место в офицерской общаге. Ладно, – думаю, – где наша не пропадала...

Общага отыскалась скоро, и там действительно нашлась для меня койка. Обитатели, увидев нового человека стали проявлять немалую заинтересованность и гостеприимство, но в силу того, что в армии, я принципиально не пил ни с кем, возникший – было – ко мне интерес довольно быстро угасал.

Я обосновался в крайней комнатке на втором этаже, но было уже почти семь вечера, и потому я решил, что представлюсь майору – следователю лишь завтра. Как ни странно, в городке оказался книжный маназин, и я даже успел купить какую-то занятную книжонку. С ней я и лежал на кровати в пустой комнате из четырех коек. Соседи, которые, как мне сказали, военные вертолетчики, еще не вернулись. Часам к девяти, когда я уже стал понемногу клевать над книгой носом, в комнату ворвалась ватага шумных гуннов. Они орали, они перекрикивали друг друга, они окликали друг друга названиями разных домашних животных... Они были, безусловно, пьяны, но что особенно меня удивляло – это были те самые вертолетчики, и они были ТОЛЬКО ЧТО из рейса, ибо по дороге прикоснуться к дарам Вакха им было просто негде! Я молчал и наблюдал, попутно соображая как себя вести. Было несложно понять, что именно сейчас предстоит настоящая пьянка. Нет, не потому, что какой-то праздник, а просто потому, что – вечер! Чуть позднее я узнал, что на завтрак они берут бутылку водки на экипаж. На обед – две. А на ужин... тут уж надо выпить, как следует! Обычно в таких случаях я перехожу на таинственный шепот, и говорю магическую фразу: «Ребята, не могу, у меня там «торпеда» защита!» Далее надо многозначительно кивнуть на правое плечо. Действует это безотказно. Тебя не только оставляют в покое, но тебе сочувствуют, тебя даже какое-то время опекают как безнадежно больного. В этом случае я как-то замешкался, а может, меня просто никто и не спрашивал... В общем, я понял, что здесь мне отвертеться будет значительно сложнее.

Спустя час, появились какие-то сомнительные женщины, которые, впрочем, моего присутствия не замечали. Они сновали туда-сюда, накрывая на стол, кокетливо повизгивали, когда кто-то щипал их за задницу, исполняя, видимо, всей этой суетой, роль хранительниц очага.

– Рома, – открыла – было, рот одна из них, и вдруг стала вещать таким басом, что я подумал, будто снова началось извержение вулкана Кракатау, – а где вазочка, твою мать?

Рома затаился или просто не услышал, из-за чего последовало громогласное предположение:

– Ты че, падла, мою вазочку пропил?

Я сделал вид, что углубился в чтение. Из туалета, покачиваясь и на ходу застегивая штаны, вышел невозмутимый Рома:

– Ты че, дура, обожралась что ли? Она же разбилась, еще на Первое мая! Серый же из нее шпагу² пить пытался, и уронил, не помнишь?

Ромина нимфа на мгновение задумалась, и, явно припомнив яркую инициативу Серого, больше развивать тему вазочки не стала.

Вскоре на стол были водружены нехитрые разносолы: икра кабачковая, минтай в собственном соку, завтрак туриста рыбный и большой ломоть настоящего сала, присланный одной из девушек кем-то из сельских родственников. Я по-прежнему не знал, как кого зовут, но и не особенно форсировал события. Вскоре, русское гостеприимство, помноженное на полную безысходность захлестнуло и меня, не оставляя ни малейших шансов оставаться при своих принципах. Помню, выпил я немного, наверное, треть стакана и меня сильно повело. То ли усталость, то ли скудная закуска сделали свое дело, я не знаю, но фактом остается то, что я так и не запомнил, как кого зовут, а имен женской половины компании, я, кажется, так и не узнал вовсе. Часу в одиннадцатом, я сказал прямо:

² Шпага – пятидесяти градусная спиртосодержащая жидкость, применяемая в авиации против обледенения стекол

– Друзья мои! Прошу вас, не стесняйтесь и не обращайтесь на меня внимание. Я человек с другой планеты, пить с вами на равных не могу, и вдобавок, у меня приказ явиться в часть к шести утра. Так что, вы себе гуляйте на здоровье, а я, пожалуй, отбой устрою, надеюсь, что вас это не обидит.

– Да ты че, – загудели мужики, – кончай притворяться...

Но тут я уже был непреклонен. Женщины, в основном высказывались презрительно, почему-то сомневаясь при этом в моей мужской силе. Я, понятно, не разубеждал их ни в чем. Через полчаса я уже спал, отвернувшись к стене, выкрашенной когда-то зеленой масляной краской, и видел странный сон не то о пире во время чумы, не то, что-то в этом же роде. Ближе к полуночи, меня кто-то потряс за плечо. Я проснулся. Надо мной стоял, склонившись, уже полностью пьяный капитан – командир экипажа.

– Эй, Леха... У тебя пожрать чего есть?

– Пожрать? Нету...

– Ты ж рассказывал про геологические булочки, б.....!

И точно, я вспомнил, как уже под шафе, вдруг рассказал, что вожу с собой чудо – булочки, изобретенные специально для геологов. Суть в том, что они герметично запечатаны в полиэтилен, и размером меньше яблока. Но, когда надо – их можно распечатать, поставить в печь или даже на лопатке подержать над костром, и получится настоящий хлеб! Причем полуфабрикат этой булочки в процессе готовки увеличивается раз в пять, если не больше.

– Ладно, – не разобравшись со сна, бросил я, – возьмите в сумке.

Небо было еще темным, когда я проснулся от душераздирающих стонов. Все трое летчиков лежали кверху пузом, и стонали как бегемоты, пытающиеся родить автобус. Что такое?.. Я не очень понимал спросонья, что происходит, и лишь суетился, бегая от одного к другому. Животы у всех были раздуты, и, казалось, вот-вот лопнут. Я не мог понять, что случилось, ну не водка же, в конце-концов... Вдруг Рома, приподнявшись на локте, словно умирающий комиссар, почти жалобно произнес:

– Булочки! Ты же говорил, они хорошие...

Недолго думая, я, включил свет и понял по остаткам еды, что булочки никто не пек, их даже не варили! (Говорят, можно и так) Их отрезали по кусочку на газетке и этим тестом просто закусывали!

– Господи, что же делать! Ведь помрут идиоты!

Я стал про себя молиться, чтобы все обошлось. Понемногу сознание успокоилось, и я вспомнил своего приятеля, который, будучи в геологической экспедиции где-то в Средней Азии, стал свидетелем соревнования едоков. Помню, он рассказывал, что весьма средний пехлеван (участник соревнования) съедает чуть не целого барана. А наиболее «талантливые», бывало, что и поболее. Однако доедают они все это, дабы не лопнуть, в чанах с горячей водой.

Это была идея! Я тотчас поставил чайник, вскипятил воды и стал отмачивать в тазике простыни. Затем я их сворачивал вчетверо и выкладывал им на животы, а когда простыни остывали, клал новые и новые. Часам к пяти утра опасность миновала. Все трое заснули.

Я ушел, когда они еще спали, а когда вернулся, их уже не было. Никто также не затруднил себя написанием какой-нибудь записки... Впрочем, больше я их так никогда и не встретил.

Насчет шести утра я конечно погорячился. Я вышел из общаги лишь около семи, и стал искать, бродя по городку, какую-нибудь столовку. Однако, это было еще более наивно, чем полагаться на слово моего бригадного начальства. Пехотинцы располагались в паре километров от поселка, и я с удовольствием прошелся через лес, который уже не казался почему-то таким уж серым. Дойдя быстрым шагом до части, я оствился на КПП и сильно удивившись, огляделся. Либо ночью случилась ядерная война, либо меня зачем-то разыгрывают: на КПП было пусто. Причем, покинули ее явно не только что. На территории было тоже довольно без-

людно. Зайдя в штаб, я обнаружил в строевой части одинокого бойца, который спал, сидя на стуле, закутавшись в шинель и положив голову на сложенные руки, лежащие на столе.

Я кашлянул. Никакой реакции не последовало. Я стукнул ногой по ножке стула – тоже самое. Тогда я набрал в легкие подольше воздуха, и что, было, силы заорал:

– Это что за бардак?! Встать смирно, в присутствии офицера!

Думаю, мой вопль был слышен даже на автостанции, но каково же было мое удивление, когда боец даже не пошевелился. Я выбил из-под него стул, и он рухнул на пол как мешок. Полежав несколько секунд, он медленно сел, и положил голову на руки:

– Вам чего нужно? – спросил он.

Я даже не сразу сообразил что сказать. Все это было настолько нелепо, что никакого опыта по поводу того, как вести себя в таких ситуациях быть просто не могло.

– Ты кто?

– Конь в пальто, – огрызнулся боец. И после добавил: «Художник я, писарь и все такое».

– А, знаю, съязвил я. На писарей у нас уставы не распространяются. Оттого они борзеют, если их не пи@@ить. Что тут вообще происходит? Почему на проходной никого нет?

– Вы только пиз...ить и умеете, – снова огрызнулся боец.

– Ладно, не бухти. Так чего тут происходит-то?

– А что и всегда, – загадочно ответил боец, почему-то рассматривая свои ладони.

– Ты не знаешь, следовательно тут должен быть из Москвы, майор Гудзенко?

– Знаю. Но сейчас его нет. Не знаю, когда будет. А вы не старший лейтенант ...?

– Я самый.

– Документы предъявите, – вдруг неожиданно потребовал боец.

– Ты че, боец, совсем ох...ел, или так – самую малость? Пользуешься, что у меня настроение хорошее?

Боец раздраженно мотнул головой:

– Он вам передать кое-что велел, но сперва сказал, чтобы я документы проверил, на всякий случай. Так что это его приказание. А я, считайте, тут караул несу...

– Ладно, – я протянул ему офицерскую книжку.

Тот долго ее мусолил, изучил все страницы и, протягивая обратно, вдруг сообщил:

– На фотографии вы, конечно, не похожи... Ну, да мне по фиг...

С этими словами он протянул мне ключи:

– Это ключ от комнаты, на второй этаж поднимитесь, четырнадцатая там будет в конце. Майор там обустроился. Большой ключ от сейфа. Майор сказал, чтобы вы дело пока посмотрели, ну, пока он отсутствует, то есть...

– Понял, спасибо. Скажи, а чаю нельзя как-то сообразить?

Боец посмотрел на меня с подчеркнутым удивлением, и тотчас отрезал:

– Нет у меня никакого чая.

– Тебя как звать то?

– Рядовой Аникин.

– И откуда ж ты такой Аникин?

– Из Вышнего Волочка я. Слышали про такой?

– Слышал. Даже был проездом. Недавно.

Боец оживился:

– Да? И как там?

– Да как... Вокзал как вокзал, буфет там неплохой. Больше я за полчаса ничего и не увидел. Проездом, говорю, был.

– Давно?

– Месяца четыре тому. А что?

– Да ничего. Скорее бы дембель... – с мрачной мечтательностью произнес Аникин.

- Долго еще?
- Уже меньше года осталось. Весенний я.– ответил Аникин, вздыхая.
- Ну, удачи тебе, Аникин. Если что, я наверху в четырнадцатой.
- Ага, понял, – ответил тот, снова закутываясь поплотнее в шинель.

В здании штаба никого не было, во всяком случае, в коридорах было пусто. Туалет был безумно грязный, впрочем, как и все вокруг, и это наводило на какие-то странные ассоциации вроде ситуации на «Непобедимом» у Лема³. Я вошел в четырнадцатую и открыл окна: воздух там был затхлый, и сильно воняло табачным перегаром. Комната была пустовата: стол, стул и сейф. В углу вешалка, на стене – портрет Суворова. В другом углу я увидел свернутые рулоном бумаги, как видно – карты. Я поставил свою сумку в угол, прошелся взад и вперед и направился к сейфу. Внутри было несколько папок, я их достал и стал разглядывать. Обыкновенные дела, довольно пухлые... странно, что целых пять, но – это дело такое... Вскоре я понял, что это пять томов одного дела. Я стал их листать и вникать в суть происходящего. Уходя от юридической терминологии, и говоря кратко, история выглядела примерно так. Около полугода тому назад, в декабре, в округе находился с инспекцией некий генерал майор, откомандированный от самого Генштаба. Ну, понятное дело, показывали ему, как водится, «потемкинские деревни», он кивал и делал вид, что его все устраивает, когда вдруг приказывает своему водиле быть готовым к семи утра, и с тем уехал в неизвестном для окружного начальства направлении. Те, понятно, сдрейфили. Тут же кругом – шаг в сторону – полная разруха. А генерал тем временем нагрязнул в Гусиноозерск. Поймал еще не протрезвевшего с вчера начальника гарнизона, и велел ему себя сопровождать. Пришли как раз к пехотинцам. На проходной, как и теперь – ни души. Прошли, заходят в первую попавшуюся казарму. На тумбочке, как ни странно, стоит дневальный, но в шинели. На эту деталь генерал пока что внимания не обратил, его больше занимало то, что в помещении было практически пусто, ну то есть, не было кроватей. Он прошелся по казарме, рассчитанной на роту (сто человек) и насчитал аж двадцать семь кроватей! Что такое? Он к дневальному, мол, а где остальные спят? Тот глаза выпучил и кроме как "Не могу знать!" – ни шиша ответить не может. Генерал приказал найти дежурного по роте. Тот объявился довольно быстро, мол, так и так, сержант такой-то... Генерал задает тот же вопрос сержанту, дескать, где кровати? Сержант тоже ситуацию прояснить не смог: "Не могу знать!", и все тут... Ладно. Генерал приказал вызвать командира роты. На это сержант ответил "Есть", но натягивая шинель, высказался скептически относительно того, что это чему-то поможет. С тем и ушел.

Генерал тем временем зашел в столовую, где четверо укутанных бойцов ковыряли ложками что-то, совершенно на вид не съедобное. Генерал снова увидел одетых солдат там, где они обязаны быть лишь в галифе и гимнастерках. И тут до него дошло, что на улице-то -40, а здесь, в столовой, явно -15 или даже -20. Такого он не видел никогда. Позвали начальника столовой. Отвечай, мол, мерзавец, зачем личный состав морозишь? Прапор встрепенулся и задал встречный вопрос:

- А что я могу сделать? Трубы лопнули еще лет пять назад!

Он, прапор, регулярно шлет рапорта во все инстанции, но ни ответа, ни привета по сей день. Один раз, впрочем, года три тому, трубы привезли, но через неделю они куда-то исчезли. «Это что», – добавил прапор. У меня ни одна печь не работает! Да что печь! Провизии-то всего на 10-15% от потребности! Летом он с бойцами пытается выезжать в местный совхоз с тем, чтобы подработать и сделать кое-какие запасы, но и их разворовывают, как ни охраняй!

Генерала просто переклинило от переизбытка информации... Трубы... Какой еще совхоз? Это вместо боевой и политической подготовки? И это в двадцати км от границы? Да, прапорщик, вы в своем уме?

³ Имеется в виду роман С.Лема «Непобедимый»

– Я-то в своем, – ответил тот, – и я всякие тяготы и лишения переживал, но голодать только потому, что все разворовано сверху донизу, я не нанимался. А родину защитим, если что. Не защитим, если с голоду передохнем...

К этому моменту сержант, можно сказать, приволок синего от непрерывного запоя капитана, командира роты. Капитан кое-как выровнялся, но по всему было видно, что будь перед ним хоть генералиссимус всей Вселенной, он смотрел бы ему в глаза точно с таким же безразличием.

– Что происходит, капитан? – только и сумел сказать генерал, стараясь говорить спокойно.

– А что? – искренне удивился капитан.

– Почему у вас в казарме только двадцать семь кроватей?

– А сколько надо? Все же... кто – где... – он пошевелил пальцами в воздухе.

– Что значит «кто – где»? Где ваш личный состав? – не выдержав, заорал генерал. И добавил, обращаясь к сержанту, – принесите список вечерней проверки!

– Не кричите на меня, – потребовал капитан, – Где личный состав я знаю. Но я не могу приказывать им оставаться в части и подыхать от голода.

Прибежал сержант со списком, капитан взял его и стал комментировать:

– Вот эти трое – в совхозе. – Иногда и нам что-то от них перепадает... Эти – живут впятером в землянке – вон там, на сопке, – капитан махнул рукой в сторону далекой горы.

– Трое из них охотники. Так и кормятся. Вот эти – шоферят в городке. Я их вижу почти каждый день.

Капитан еще долго продолжал комментировать свой список, а генералу, видимо, хотелось срочно проснуться. Он никогда ничего подобного не только не видел, он даже и предположить не мог, что возможна хоть бы и десятая доля подобного кошмара. Он стоял, и видимо, думал, что именно и как он должен доложить в Москве, и поверят ли ему? А еще, когда он все глубже и глубже вникал в масштаб происходящего, у него, видимо, появились страшная мысль:

– А ведь до Москвы-то мне не доехать...

Он вернулся в Читу, где в гостинице написал три больших письма по разным адресам. Одно – официальный рапорт на имя начальника Генштаба. Это письмо, должно было бы уйти с фельдьегерем, а два других – друзьям. Затем, дабы не привлекать внимание, он переоделся в штатскую одежду, положил письма в портфель и вышел на улицу. Прогуливаясь, он поминутно оглядывался, а затем бросил письма одно за другим в разные почтовые ящики, расположенные через квартал...

Так я сидел и думал, дергая из мятой пачки папиросу за папиросой. Поводом к моим размышлениям стало лаконичное медицинское заключение, подшитое к делу в середине второго тома:

"... в связи с чем комиссия пришла к выводу, что генерал майор Баранников А.В умер от обширного инфаркта в купе своего поезда, по дороге из Читы в Москву. Акт о вскрытии прилагается. Подписи, Печать"

– Понятно. Значит, Гудзенко думает тоже, что и я, а отсюда и вся конспирация с проверкой документов и прочим. Ладно, поиграем. В конце концов – отравить меня не так просто, поскольку ем я мало, и обычно, в местах довольно случайных, не пью почти совсем. По стрельбе я, все-таки – кандидат в мастера, а по биатлону и вовсе мастер, так что, если надо – удрать, думаю, сумею. Пусть догонят. Хотя... курить, конечно, надо бы все-таки поменьше... – я раздавил в пепельнице уже пятую папиросу. – Итак, пойдем по порядку. Гудзенко нет, и когда вернется – неизвестно. Что делать – тоже непонятно. Дело – гнилое насквозь, и соваться сюда в открытую без поддержки ДШБ⁴ довольно опасно и глупо.

⁴ ДШБ – десантно-штурмовой батальон

Я думал и все больше приходил к мысли, что не все стыкуется в этой истории. Было совершенно очевидно, что чего-то не хватало... Например, почему после ревизии оружейного склада, где не оказалось ни одного патрона, начальнику склада прапорщику Зимину избрали мерой пресечения лишь подписку о невыезде? А он при этом на другой же день «благополучно» повесился... В общем, все тут было странно, все не так... Например, когда я был командирован в Закавказье, там было ясно все: вот разворованные склады, а вот – виллы полковников и генералов, в три-четыре этажа, с фонтанами, павлинами и лебедями... А тут – никаких лебедей. В Чите также убого, как и везде. Начальники ютятся как все по квартиркам...

Я всегда опасался непонятного, и потому решил во-первых – не торопиться и по возможности применить древнюю китайскую стратегию "сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров". Суть понятна: копать глубоко и открыто, с вызовом – это безумие. Я не настолько любил родину, чтобы из-за разворованных складов, а иных по стране было мало, ставить на карту судьбу моей семьи, и свою собственную. Для начала, я решил еще раз поговорить с Аникиным. Мне показалось, что он что-то знал, или, быть может, догадывался. А о дальнейших шагах говорить было рано...

Я запер сейф и комнату, и, прихватив сумку, спустился вниз. Аникин уже не спал, хотя он так и сидел за столом, и опять почему-то рассматривал свои ладони.

– Ну, че, Аникин, – бодро сказал я, – может, пожрем чего?

– Сказал же – нету у меня ничего! – снова огрызнулся боец.

– Дык... может, у меня есть. Чайник-то хоть имеется и вода?

– Это найдется, – Аникин бодро вскочил и бегом улетел по лестнице куда-то наверх.

Вернулся он спустя минут десять с помятым с одного бока алюминиевым электрическим чайником, двумя небольшими общепитовскими тарелочками и парой темно-серых алюминиевых ложек. Аникин был неуклюжий до крайности, он все время по дороге что-то ронял, ругался, снова ронял, и так, покуда не дошел до стола. Там он разом все выгрузил, сказав глубокомысленно: "Вот!", и после развел руками.

– Молодец, – похвалил я. – Чайник-то включи.

Аникин ойкнул и, вытянув неимоверно длинные руки, нашарил вилку с проводом. Он покрутил ее, как бы разглядывая, и после довольно быстро вставил в розетку.

– А у вас и чай есть? – почти заискивающе спросил он.

– А ты кружки принес? – парировал я.

Аникин ахнул, театрально стукнув себя ладонью по лбу, и снова испарился. Вернулся он опять-таки минут через десять, протирая одну из надбитых эмалированных кружек краешком засаленного рукава. Я достал довольно черствую половину ржаного хлеба, нарезал сала и открыл банку сайры. Аникин стоял обалдевший, и казалось, не мог сдвинуться с места.

– Слушай, – сказал я, – а когда ты ел в последний раз?

– Дня два тому, – братва из совхоза привезли ведра четыре картофельных шкурок. Мы их на костре сварили и на всех поделили.

– На всех, это – на сколько?

– Да нынче, с молодыми... человек сто будет... Может и меньше, не знаю... Молодых уже расхватили кто куда.

– Понятно. Ты тогда хлеба не ешь много, и вообще жуй подольше. Вот это – тебе, – я выгрузил из банки больше половины, – и это, – я положил ему в тарелку кусков пять сала. – Так что не боись – не убежит от тебя. Жуй, как следует. Понял?

– Понял, – на ком-то надрыве ответил Аникин и стал тотчас запихивать в рот все подряд.

– Стой, говорю! Сдохнуть хочешь? Я же сказал – все твое – с тобой будет! Не отберу! Жуй медленно, понял?

Тот закивал, но все равно проглотил тотчас почти все, что напихал в рот.

– Все! Стоп! – командовал я. – Теперь жди. Чай выпьем, а потом еще поешь. – С этими словами я забрал у него тарелку.

– Ну вот! А говорили, что мое со мной! – Стал канючить Аникин.

– С тобой, с тобой! Я не съем это! Я просто не хочу, чтобы ты окочился на завтра!

Понял?

– Ага... так все говорят... – продолжал ныть Аникин.

– Ну хорошо, – смягчился я, – Сделаем так.

Охотничьим ножом, который ездил со мной повсюду, я нарезал хлеб на кусочки примерно в квадратный сантиметр. Затем нарубил в банке сайру, смешав ее с маслом. После стал выкладывать тонким слоем измельченную рыбу на ломтики хлеба. Я давал ему по одному и требовал, чтобы он жевал минут по пять. Это не получалось, Аникин поначалу заглатывал их как таблетки, но все равно, интервал я неумолимо выдерживал. Вскоре закипел и чайник. Я бросил в кружки по щепотке черного чаю и положил Аникину пять кусков сахара. Глаза его заблестели.

– Не-не-не! – я стукнул Аникина по руке, которая уже вцепилась в ручку кружки. – С ума, что ли сошел? Пусть остынет, заварится, а ты пока сайру топчи.

Аникин повиновался. Он теперь уже жевал тщательно, словно бы показывая, что готов исполнять любые мои приказания.

– Вот и молодец, – хвалил я, – так, пожалуй, и не сдохнешь! Так, пожалуй, мы еще на свадьбе твоей попьанствуем!

Аникин жуя, что-то промычал, прикладывая руки к груди. Он, видимо, пытался сказать, что, мол – да, конечно – за нами не «заржавеет»!

– А скажи, Аникин, – начал – было – я, – что ты про все это думаешь? – Я обвел рукой вокруг.

– А что?

– Нет, ну нормально все это?

– Не знаю, – опустил глаза он, – начальству виднее.

– Подожди, при чем тут начальство? У тебя свое мнение есть? Вот ты голодаешь, поди, ноги скоро протянешь...

– Не протяну, – веско ответил Аникин, слегка мотнув головой. – Летом – точно не протяну.

– Ну а зимой как?

– Да, авось дотянем до дембеля как-нибудь...

– Понятно. Ну хорошо. А вот если ты точно будешь знать, что околеешь этой зимой, тогда как?

– Значит судьба такая... – философски ответил он, и закинул в рот очередной кусочек хлеба с сайрой.

– Что значит судьба? Ты лошадь или кучер в этой жизни? Охотник или дичь?

Аникин ошарашено уставился на меня:

– Почему дичь? Что вы спрашиваете такое? Я не понимаю!! – он вдруг сильно изменился в лице, и, казалось, был на грани истерики.

– Ну, успокойся, успокойся, это я так, для примера просто. Думал, ты мне поможешь, а я тебе... до дембеля дожить.

– А что помочь-то? Я ничего не знаю!

– Да я понимаю. Просто пару вопросов хотел тебе задать. Если не захочешь – можно не отвечать.

Аникин покосился на еду, разложенную на столе.

– Нет-нет, не бойся. Харчи – твои – в любом случае. Я ничего не заберу, а может еще и оставлю чего. Вопрос в том, что если все останется как есть, я тебе и прислать-то ничего не

смогу. Другое дело, если все изменится. Если, скажем, переведут тебя отсюда – в Москву или в Воронеж, например. Но мне основания нужны, сам понимаешь.

– Это что же... Стучать? – осведомился Аникин.

– Нет, друг мой. Стучать – это когда ты на своих жалуешься, или доносишь что и где случилось, и все на тех, кто с тобой же в казарме живет. А тут дело другое. Ты этих гадов и в глаза не видел, и не должен им ничего, а они вот каждый день твою пайку крадут. Да разве ж только твою... И разве только пайку... Знаешь, например, куда-то все оружие исчезло со второго и пятого складов. Что в остальных пока неизвестно, но думаю, что дело не лучше и там обстоит...

– Знаю, – сухо ответил Аникин, запихивая в рот ломтики сала. – Хотя... Это уже давно случилось.

– Как так?

– А так... – равнодушно жуя, ответил боец. – Говорят, уже лет пять тому. Меня еще не было.

– И что?

– Ну, не знаю... – Аникин жевал, – Только вместе с оружием и продсклады опустели, и склады НЗ, в общем – все почти что.

В это время кто-то с шумом вбежал в штаб, и мы услышали, как шаги приближаются к нашей двери. Аникин схватил свою кружку. Я встал за дверью и, затаившись, не суетясь, расстегнул кобуру. Дверь распахнулась, и кто-то громко произнес:

– А! Это ты Аникин!

– Я, товарищ майор, – ответил тот, немного попятясь, и одновременно пытаюсь сделать глоток из кружки.

Я застегнул кобуру и вышел из-за двери. Майор, стоявший на пороге, был довольно улыбочив, круглолиц, да и вообще являлся полной противоположностью тощему угрюмому Аникину. Он протянул мне руку:

– Гудзенко, Павел Трофимович.

Я тоже представился.

– Аникина, вижу, подкармливаешь? Не шибко старайся, – он подмигнул бойцу, – Я ему тут на год харчей оставил.

– Вот как? – удивился я.

– Ага, – подтвердил майор. – Еще с неделю тому.

– Понятно, – я посмотрел на Аникина, но тот сосредоточенно ковырял ложкой на дне своей кружки.

– Ладно, лейтенант, пойдем со мной наверх, посекретничать надо.

Мы поднялись в четырнадцатую.

– Ну как, дело просмотрел? – спросил майор, все также улыбаясь.

– Два тома одолел, – ответил я. – Третий – только начал.

– Ну и как? – спросил Гудзенко.

– Что как?

– Когти рвать отсюда не захотелось?

– Захотелось, – признался я.

– То-то... – сказал Гудзенко и несколько посуровел. – Я, признаться, и сам не очень пока понимаю чего делать – то... Ты уже догадался, куда корни-то уходят?

– Нет, не особенно, – признался я, – но масштаб немислимый какой-то. Я такого раньше не видел.

– Ты не видел! – почти презрительно хмыкнул Гудзенко, – А я?!

– Когда за Галкой Брежневой дыры на границе латали, я еще на подхвате был! Только старлея получил, как ты вот... И то, скажу я тебе... Полегче было. Понятнее, что ли... – Он

помолчал, вертя в руках коробок спичек, – В общем так... В двух словах расскажу тебе, что к чему... С одной стороны, знать тебе конечно, много не надо, но с другой, невредно, чтоб ты понимал, куда сунулся. Задание у меня к тебе есть, так что, может, поаккуратнее будешь.

– Так вот, как ты понял, генерал Баранников умер в поезде от инфаркта, но одно из трех его писем все же дошло. Как ты понял, наверное, дошло именно то, которое он мне написал, не напрямую, конечно... Не важно, в общем. Там он как раз упомянул, что написал также официальный рапорт и еще одно письмо своему товарищу – в Генштаб. Понятно, что, ни рапорта, ни второго письма никто не видел. Ну, по крайней мере, так мне официально заявили на допросах. В четвертом томе есть материал. Я по своим каналам завел дело, сделали аккуратно ревизию, совсем вроде бы по другому поводу, и тогда стало понятно, что генерал только «верхушку айсберга» увидел. Сам ли он помер, или помогли, сказать сложно, все-таки, ему уже около шестидесяти было – не мальчик, да и вся прежняя жизнь была не сахар, вся на нервах, он и прежде на сердце жаловался... Он, видишь ли, сыном полка был в войну, вся семья в голод перемерла. Потом суворовское, и вот так – до генерала дошел.

Интересно другое. Все склады здесь – пустые, куда ни глянь. Личный состав с голоду мрет, из оружия – даже пулеметы с танков свинчены, а тут вдруг, с неделю назад, захватывают десантники девяносто пятого полка душманский склад оружия под Гератом, и что ты думаешь? По номерам проверили – все оружие отсюда, из ЗабВО. Вопросы есть?

– Да вопросов-то много... – ответил я.

– Понимаю, – сказал, закуривая Гудзенко. – У меня и у самого их море. Что мы имеем на сегодня? Командующий ЗабВо и начальник штаба – покончили с собой. Застрелились. Кое-кто пустился в бега: начальник автослужбы округа, например. Ловим. Это – вопрос времени. Кое-кто уже под арестом, но все больше – мелкие сошки. Но сами-то они не могли такую операцию повернуть, даже на уровне окружного командования, сам понимаешь. А это значит... – Гудзенко замолчал и задумался. Затем как бы очнулся от собственных мыслей и продолжил:

– Меня, честно говоря, обнадежило одно обстоятельство. Если бы не это, я бы сам уже, наверное, в бега подался.

– Да ну?

– Угу... – кивнул он, – Понимаешь, я тут, поднял свои связи и пограничников проверил. То же по-тихому, мол, плановая проверка... и там все в порядке оказалось. Понимаешь? А они-то вне подчинения Минобороны. Они же напрямую под КГБ. Так что шанс есть. Надо только силы правильно сбалансировать, да следить, чтобы информация раньше времени никуда не просочилась. Я поэтому до сих пор один и работал. А теперь ты мне понадобился. Ну, не именно ты, а просто кто-то, кто бы наверняка был бы вне системы. Понимаешь? Я и попросил полковника прислать мне какого-нибудь дознавателя, желательно из Киевского или Ленинградского округа. Тебя и прислали, и вот для чего. Завтра возьмешь мой УАЗик и поедешь в Улан-Удэ. Там сядешь на поезд до Иркутска. Ты откуда сам-то?

– Из Киева.

– Вообще – отлично, – обрадовался Гудзенко. – Можешь прямо в Улан-Удэ – на самолет – и в Киев. Дам я тебе письмо, отдашь его в прокуратуре округа майору Плаксе или подполковнику Кружаеву. Они тебе выпишут командировку в Москву. В Москве позвонишь из любого автомата по номеру, который я тебе дам, и попросишь подполковника Дышлового. Ему скажешь, что привез посылку от дяди Паши. Понял? Именно от дяди Паши! Про майора Гудзенко – вообще забудь.

Я кивнул.

– Дышловой поймет, кто ты и что привез. Лишних вопросов задавать не будет. Встретишься с ним где-нибудь, и передашь то, что я тебе дам. Ну, а если попадешься – вали все на меня, мол, знать ничего не знаю, майор приказал привезти в Москву посылку, я и привез. Если поймут, что ты что-то знаешь, то сам понимаешь – пеняй на себя... В общем, не стоит

доводить до этого. Баранникова, если что, вспомни... Ничего не знаю – и все тут! – Гудзенко закурил и так задумавшись, стоял, глядя в окно, за которым начал сеяться мелкий унылый дождь. Докурив, он повернулся и сказал:

– Ну, вот и все вроде. Теперь повтори.

Я повторил.

– Хорошо. Завтра в шесть утра будь на выходе из городка. Это метров двести от общаги. Посылка будет в машине. Телефоны запиши сейчас.

Я записал.

– Да, и вот еще. Когда все передашь, ты сюда больше не возвращайся. Езжай к себе. И оттуда уже позвонишь. Запиши... Кто ни подойдет к телефону, скажешь: «Передайте дяде Паше большое спасибо за лекарства. Нога у мамы уже не болит». Понял?

– Понял, – ответил я, – а я вам точно больше не понаблюсь? И в Чите меня не хватятся?

– Не хватятся. Я сказал, что ты со мной на все время остаешься. Так что, не появляйся здесь больше. Я все сам сделаю.

На том мы и расстались. Я все сделал, как он велел, и затем вернулся обратно в Чернигов. Больше я о майоре Гудзенко ничего не слышал. Однако, спустя примерно полгода, когда я уже собирался на дембель, в «Красной звезде» проскочило сообщение, что следователями Главной Прокуратуры Минобороны СССР была проведена обширная проверка в Забайкальском военном округе. В результате были выявлены значительные недостатки. Ряд высокопоставленных офицеров отправлены в отставку, непосредственные виновники находятся под следствием». А спустя еще пару месяцев мелькнуло сообщение в «Правде» о «значительных кадровых перестановках в руководстве Министерства Обороны». Разумеется, об истинных причинах нигде упомянуто не было.

– Надо же... – ехидно размышлял я, – кто бы мог подумать, что в увольнении целой команды маршалов есть и моя доля участия...

Не скрою, мне было приятно. В конце концов, это была посильная месть с моей стороны за тех, кто погиб в далеком Афганистане от пуль душманов, вооруженных продажными мерзавцами в маршальских и генеральских погонах. Именно тогда я и подумал, что наилучшей тактикой для ЦРУ должно было бы быть просто выжидание, ибо ни один их агент в этой стране не способен принести вреда больше, чем средний и высокий начальник. Ну, а если тому еще и денег посулить... То тогда уж и вовсе делать ничего не надо. Они сами все разрушат, распродадут или, в крайнем случае – растеряют.

Уйдя в запас, я пару раз пытался найти Аникина и Гудзенко, но никаких сведений ни о том, ни о другом отыскать не удалось. Не исключено, что они так и остались в том городке навсегда, один, не выдержав голода и холода, а другой – от какого-нибудь несчастного случая или банальной в наше время болезни, вроде инфаркта.

Я часто возвращаюсь в воспоминаниях к тому периоду своей жизни. Это было трудное время, но все-таки, служба в прокуратуре была, наверное, единственным полезным делом, которое мне удалось сделать, прошагав 758 дней в сапогах.

Побег

*Без угрозы наказания,
Нет радости побега...
Кобо Абэ*

-... Да... Бывает...– ответил я немного ошарашенно, выслушав диковатую армейскую историю, рассказанную моим собеседником.

Впрочем, у меня в армии тоже как-то не складывалось. Совсем... Было не то, что плохо или трудно... Были моменты, когда я вообще не думал, что оттуда вернусь... Я был там совсем чужой, и, потому был один на один со всем этим остальным окружающим миром. Друзей у меня практически не было, и жил я в маленьком домике, далеко на отшибе, с соседями не знался, да и когда знаться-то? Если не в наряде, то в части с семи утра до десяти вечера... А выходных у меня было за все время аж три... И то, комбриг из двух «спортивный праздник» сделал. Ну, это когда ты «добровольно» в воскресенье в часть приходишь... Нет, не рано, попозже, часов эдак в восемь, и затем берешь своих бойцов, и в свое полное удовольствие, весело и с задором трусишь десять километров по бетонке, убегающей далеко за полигонный горизонт. Спасибо, хоть налегке...

Правда, скажу я тебе, после года такой жизни, выработался у меня стойкий иммунитет, который выражался в полном безразличии к происходящему и абсолютном, фантастическом цинизме, способным затопить, всю видимую часть мира. Однако, и иммунитет помогал лишь отчасти, поскольку я уже был просто физически измотан нарядами и караулами, в которые меня от большой "любви" ставили через день. Благо, уставы им это позволяли. Ну да, ты спросишь, почему мой иммунитет не выражался в каких-то активных протестных формах, как у некоторых моих приятелей? Не знаю. Сам толком не понимаю, тем более, что были ведь выдающиеся примеры!

Вот, скажем, Коля Довгаль. Уникальная личность, в своем роде. Думаю, его именем отцы командиры до сих пор пугают своих внуков. А дело было так: отслужил Коля срочную танкистом, дошел до сержанта – командира танка, все честь по чести, затем ушел в институт где-то в Днепропетровске, закончил в том же году, что и я, и тут как раз и появилась та самая мода на двухгодичников. В общем, вызывает Колю военком и говорит, мол так и так, милоч, – идешь ты родину защищать. Международное положение – сам знаешь: США, Израильская военщина... да и в Нигерии, я слышал, беспокойно. Офицеров не хватает, так что, собирайся ты на службу ратную. Коля тут же встал в позу крайнего изумления, мол как так? Я уже отбил свои два года! На это военком ответил веско: то была срочная служба – почетный долг каждого гражданина, а теперь – это работа. Вместо распределения. Вот сколько ты на гражданке будешь получать?

– На гражданке, возмутился Коля, я мастер металлургического цеха, и получаю я когда 600, когда 700 рублей в месяц!

Военком лишь пожевал губами: его обычный веский аргумент про лейтенантские 250 рублей был жалок, как удар по воздуху, когда партнер пригибается. Однако, отступить он и не думал:

– В общем, это – приказ. Получи предписание, сдавай паспорт!

Коля взбесился не на шутку:

– Я сказал, я второй раз служить не буду!

– Да? – Иронически осведомился военком и нажал кнопку на столе.

Через минуту вбежали два здоровенных лба-прапорщика, все в ремнях и с повязками – явно дежурные. Военком, оскалившись, приказал:

– Позовите сюда капитана Кожина, и сами возвращайтесь. Живо!

Коля понял: дело плохо. Военком порвал у всех на глазах первое предписание и злорадно заявил:

– Не хотел по-хорошему, я-то думал тебя поближе к дому пристроить, но теперь хер тебе – потрешь им спину! Поедешь в Киевский округ!

В общем, военком вручил ему предписание при трех свидетелях. Делать было нечего. Однако, Коля представился в штабе округа и точно также, как и в военкомате изложил свою позицию относительно повторной воинской службы. На сей раз, он был, видимо, даже более лаконичен, чем в дискуссии с военкомом. Полковник в строевой части округа такого пассажира не слышал давно и потому тотчас взъерепенился, мол я тебя... и... выписал Коле предписание в мою родную показную бригаду. Коля дней восемь гулял, осваивая географию Киевских ресторанов, а после все-таки добрался до Чернигова, уже впрочем, в состоянии глубокого похмелья. Бригадир от такого явления Коли народу чуть было не хватил "кондратий". Он долго терся своим большим пузом около вновь прибывшего и не вполне трезвого военнослужащего, что-то шипел и уверял, что заставит, но Коля уже явно планировал в своих мыслях застолье будущего вечера. Понимая, что стойкости у Коли и крейсер Варяг мог бы одолжить, бригадир решил хитро изменить тактику. Он тотчас врубил в лоб казавшийся ему неожиданным вопросом:

– Вот сколько ты получал на гражданке?

Коля, собравшись с мыслями, с трудом ответил:

– Когда 600, когда 700... От пр-р-цента пр-р-ревыпол.. нения зависело... Водички бы мне, товарищ подполковник!..

Бригадир тотчас ушел в ментальный нокаут, передав Колю своему заму.

Майор Григо, зам командира бригады, слыл в военном городке грубияном даже среди прапорщиков-шоферов. Один раз, объившись на танцах в клубе в изрядном подпитии, он как-то многосложно и витиевато описал биологическое происхождение стоявшего у стенки капитана, как потом выяснилось – командира десантно-штурмовой роты. Капитан не был силен в словесности и его ответ состоял всего из двух коротких слов, последнее из которых могло вызвать у специалистов лишь снисходительную усмешку, своей жалкой трехбуквенностью. Григо, однако, воспринял это слишком уж близко к сердцу. Он что-то зарычал, сорвал с головы фуражку и ударил ею об землю. От нее тотчас отвалились и звонко покатались по полу маленькие пуговицы. Григо же, явно жалея, что на нем нет тельняшки, которую можно было бы эффектно при всех порвать, двинулся в атаку на капитана. Поскольку последний также был чужд моральных ценностей многочисленных обществ трезвости, его дальнейшее поведение можно было легко предугадать. Он с некоторым трудом отлепился от стены, и далее уже, видимо, начали работать его инстинкты.

Недели две Григо приходил в себя в госпитале от сотрясения мозга и вкушая весь комплекс проблем, щедро предоставляемых сломанной челюстью. В общем, Коля подвернулся именно тогда, когда Григо был неделю как из госпиталя и уже успел получить строгий выговор по партийной линии за дебош в клубе. Но Коля был спокоен и ироничен как сам Будда. Он видимо, уже представлял себе, как открывает консервы и нарезает, привезенные с Черниговского базара крепкие малосольные огурчики. Во всяком случае, я не зря вспомнил Будду, ибо его губ коснулась легкая улыбка просветленного мудреца. Григо принял улыбку на свой счет и заорал будто слон во время запора:

– Ты что это, лейтенант, тащишься, как пи@#а по стекловате?!!!!

– Никак нет, товарищ майор! – вяловато ответил Коля. Ему уже становилось скучно.

– Да я тебя, б..., забетонирую на тумбочке вместе с твоими е...ми бойцами! Ты у меня, б... – Григо запнулся придумывая кару гораздо более страшную, чем бетонирование на тумбочке вместе с бойцами, но Коля решил перехватить инициативу:

– Так точно! Готов топтать!

– Чего? – Григо даже удивился.

– Готов топтать службу, пока ноги до жопы не сотрутся! – Коля преданно выпучил глаза, понимая, что его сабантуй может и накрыться, доведи он это дело до скандала.

– Ты че, б.....? Опять лыбишься как пи@#а на Первомай?

– Никак нет! И в мыслях не было!

– То-то! – Григо начал смягчаться. И вдруг снова неистово заорал:

– ПНШука ко мне! (помощник начальника штаба)

Мелкой трусцой прибежал запыхавшийся лейтенант Рябинин – известный стукач и сволочь.

– Вот этого, – Григо указал на Колю – завтра в караул!

– Есть! – щелкнул каблуками Рябинин. – Разрешите идти?

– Иди, – устало вымолвил Григо. – И ты тоже, – махнул он Коле царственным жестом.

Далее Колина жизнь была циклична как вавилонский календарь. Он появлялся в части на каждый десятый день, ибо находится в отлучке девять дней – не преступление, а вот десять – уже можно, хоть и теоретически, попасть под замес. Коля мог запросто подойти, скажем, в четверг и спросить:

– Ты в Киев съездить не хочешь?

– Чего вдруг?

– Ну так... Сокол же сегодня играет с Крыльями Советов!

Колин командир регулярно тащил за него наряды и караулы, по случаю Колиных загулов, а замполит Телегин все еще пытался с ним беседовать, предлагая даже вступить в партию. Коля был всегда пьян и неумолим. Но интересным было то, что командиры проклинали не Колю, а того идиота военкома, который его призвал.

Честно говоря, в тот период, я совсем не пил, и оставаться трезвенником было непросто, поскольку при этом вокруг пили все. Пили до посинения, до полной потери человеческого лица. Видимо, в этом случае, тот факт, что у меня не было друзей, сыграл свою положительную роль. И вот, когда мой иммунитет начал серьезно сдавать, и я уже был на грани того, чтобы распрощаться с жизнью, произошла цепочка странных событий. Странных лишь потому, что совершенно невероятных. Я стал военным дознавателем, и в этой связи – колесил по всей стране. Я ездил и общался много, в самых разных местах и с самыми разными людьми: милиция, врачи, эксперты и все такое. Вскоре, менты нашли нашего сбежавшего прапора, из-за которого мне так подфартило. У него что-то с башкой приключилось и он почти месяц где-то лазал с какими-то бомжами. Я допрашивал и их, и всех с кем он встречался, затем отвозил его на психиатрическую экспертизу в Киев... В общем – рутина.

И вот, наступает момент, когда нужно составить формальный допрос непосредственного командира того прапора. Ну, мол, были ли у него странности, не пил ли, и всякое такое. А как? Бригада наша уже в Казахстане, на полигоне... Короче говоря, получаю я командировку от прокуратуры в Казахстан. Лечу до Актюбинска, потом на каком-то жутко грязном поезде с выбитыми окнами, я почти четыре часа тряса до забытой богом станции Эмба, что, совсем недалеко, всего в трехста километрах от Байконура. А дальше на каком-то малюсеньком автобусе нас трясло по пыльной грунтовой дороге до самого военного городка при полигоне. Режим в городке и окрестностях был совершенно драконовский: документы проверяли просто на каждом шагу. За каждого нарушителя – офицера или солдата – бойцы в патруле или на КПП получали отпуск, и потому зверствовали почище зондркоманды. В общем, попал я в тот городок при полигоне, устроился уже было в гостинице, и пошел доложить в прокуратуру о прибытии и просить чтобы до бригады помогли добраться. Она же где-то в степи стоит, километрах в двадцати или в пятидесяти, и как их найти – поди знай. Да и предписание мое работало только в городке, а на сам полигон нужно было другие пропуска оформлять. В прокуратуре обещали

помочь, но не раньше чем через неделю, какие-то у них там были дела. Я был почти что в отчаянии: париться неделю в этом «медвежьем углу», который можно пройти вдоль и поперек за двадцать минут – радости было мало. Да и что там смотреть? Чахлые пропыленные, словно бы возле цементного завода акации, ни магазинов, ни библиотеки – ничего. Несколько трехэтажных «хрущоб» и бескрайняя серая степь, до краев наполненная запахом полыни.

И вот случается еще одно событие. Вышел я из прокуратуры и вижу – идет по улице бригадный начпо. Тот самый, что меня в дознаватели сосватал. Я к нему, мол, так и так... разрешите следовать с вами. Он на меня посмотрел как-то странно, и говорит, мол, ладно, поехали. Я только и успел, что забрать свои вещи из гостиницы, и как-то на радостях даже м забыл о том, что на полигон нужен специальный пропуск, которого у меня еще не было. Однако, машину начпо никто не проверял, и спустя час тряски по белым словно бетон дорогам, я оказался в лагере нашей бригады. Кое-кто был даже рад мне, и почти все меня спрашивали:

– Ты что так и приехал? – был июнь и на мне – понятно – только брюки, туфли, рубашка да китель подмышкой.

– Да, – говорю, – а что?

– Да ты здесь ночью околеешь от холода!

– Да ну, – говорю, – не околею, да и не собираюсь тут долго быть. Может, завтра и уеду.

Но я как видно, еще не потерял наивность штатского человека окончательно, и не познал всю возможную глубину подлости армейской жизни.

Допросы я снял быстро и пошел просить начпо отвезти меня обратно. Тот сделал вид, как будто видит меня первый раз в жизни. Я к бригадиру. Тот вообще выдал что-то вроде того, мол, сиди и не рыпайся, а то только и умеешь, что своих друзей в тюрьму сажать... У меня аж челюсть отвисла от такого пассажа. «Ладно, – думаю, – посмотрим еще...»

Был у меня в бригаде неплохой приятель – прапорщик Крюков. Он был водителем бензовоза и потому часто ездил в поселок за горючим для бригады. Я к нему:

– Андрюха, – говорю, – выручай. Пошли телеграмму.

И даю ему, значит, адрес прокуратуры и текст, что, дескать, задержан командованием бригады без всяких объяснений причин, жду ваших указаний. Андрюхе лишний раз бросить камень в огород бригадира – большая радость, он, понятно, согласился. Но когда еще та подмога придет! Пока телеграмма дойдет, пока они сообразят, пока пришлют ответ... И ответ же они пришлют на прокуратуру городка... А дальше что? В общем, живу я в лагере уже пятый день без всяких перспектив. Более того, холод оказался действительно очень серьезной проблемой. Ночью температура опускалась настолько, что умывальники возле палаток промерзли почти полностью. Думаю, что уже к полуночи температура опускалась где-то до -5, а то и ниже. Благо, кто-то из приятелей одолжил мне зимний танковый комбинезон, и это, можно сказать без преувеличения, спасло мне жизнь. С нашими умельцами в медсанбате, воспаление легких стало бы гибелью куда более верной, чем от взрыва гранаты, а потому живым к нашим эскулапам лучше было не сдаваться. Но это тоже отдельная история. И вот тут еще один штрих, который и по сей день изумляет меня. Нет, понять советскую армию – такая же безнадежная затея, как и попытка представить бесконечность Вселенной. Но, тем не менее, там случаются все-таки вещи, нелепость которых выглядит, куда масштабнее даже бесконечности Вселенной. Дело в том, что в каждой палатке была печка и дрова, но топить не разрешалось, потому что согласно устава, или какому-то иному образцу армейской мысли, отопительный сезон уже был закончен! Разумеется, это никак не распространялось ни на штабную палатку, ни на машины бригадира и прочих начальников, в коих они культурно отдохали, и после подобных видов отдыха подолгу отсыпались.

День эдак на пятый-шестой, все это меня достало, и я снова пошел к Андрюхе за советом. Он был старше меня, прошел Афганистан, и в армейских раскладах понимал все до тонкостей, куда поболее моего. «Так, мол, и так, – говорю, – Посоветуй, что делать?»

Андрюха задумался и затем ответил:

– А тебе что надо в бригаде командировку отметить?

– Нет, – говорю.

– Так чего ты тут сидишь тогда? Завтра я в городок поеду, ты к 4 утра приходи, поедем вместе. Только вот на КПП пропуска проверяют. Там спрыгнешь, а дальше уже сам. А то и меня посадят вместе с тобой, если поймают. Договорились?

– Ладно, говорю, – спасибо. А сам думаю: «Как же все просто, оказывается!»

В 4 утра я тихонько оделся и выскользнул из палатки. Андрюха мигнул мне фарами, я заскочил в кабину и мы поехали. Дорога была дальняя и очень пыльная... Я уже почитай неделю не мылся, был пропылен до последней дырки в пуговице... В общем, отступающие французы выглядели куда более привлекательно, нежели я.

Уже светало, когда мы подъехали к КПП, я незаметно спрыгнул и затаился за Андрюхиной цистерной. Когда боец пошел проверять пропуск у Андрюхи, я обошел цистерну с другой стороны и бегом побежал к шлагбауму. Главное было зайти за него, а там уже караульные были почти безопасны, во всяком случае, стрелять они уже права не имели. Оставалось всего пару метров, когда я услышал окрики, но, перейдя на быстрый шаг, сделал вид, что это ко мне это не относится. Когда я переходил шлагбаум, крики стали значительно настойчивее, но тут на мое счастье подъехала какая-то большая машина, встала у шлагбаума с другой стороны, и, таким образом, закрыла меня. Я рванул, что было сил, и скрылся в кустах, метрах в ста от КПП. Меня уже никто не преследовал – орали только что-то. Видимо, караул посчитал, что им выгоднее скрыть этот маленький инцидент, чем стрелять по кустам, в которых еще неизвестно кто окажется. Я бежал минут десять, волоча жутко неудобный портфель с моими пожитками. Почему я его тогда не бросил – сам не знаю. Наверное, стоило бросить, оставив лишь папку с бумагами – бежать было бы значительно легче. Выдохшись, я упал на траву и отдышался, а затем еще с километр пробирался до городка, стараясь не выходить на дороги. В прокуратуре я быстро закрыл командировку и, сел на скамейке в сквере, усаженном задыхающимися от пыли липами. Теперь оставалось только дожидаться автобуса. Я, честно говоря, очень боялся. Сам не знаю чего, наверное, погони, а может, это был страх, замешанный на фантастической удаче, и адреналине, который ее сопровождал. Я курил папиросы одну за другой, пока не появился автобус. Я все также сидел на скамейке, в жидкой тени деревьев, и не спускал глаз с автобуса. Когда водитель вошел в кабину и завел мотор, я подбежал и заскочил вовнутрь. Меня, конечно же, никто не преследовал. Маленький поселок Эмба уже забыл обо мне, но все равно, лишь добравшись до станции, я вздохнул с некоторым облегчением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.